

The background of the cover is a vertical illustration of a forest. A path of light leads from the bottom center towards a small figure in the distance. The trees on the left have green and yellow foliage, while the trees on the right have vibrant red foliage. The overall atmosphere is ethereal and slightly mysterious.

АНАСТАСИЯ БЕРКОВА

БЕЗ ПАНИКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Беркова

Без паники

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68858424
SelfPub; 2023*

Аннотация

История движется вскользь по событиям, характерам и судьбам героев, пейзажам, причудам. Картинка появляется вспышками, приоткрывая то обман и предательство, то человеческие пороки и слабости, то непонятные способности главной героини, то невнятное мироустройство неопределенного времени, оставляя простор для фантазий и домыслов. Это первые прикосновения автора к большой задумке. Обложка публикации создана автором при помощи сервиса starryai.

Анастасия Беркова

Без паники

– Открывай.

Хлопок, шипение, и минералка полноводным ручьем полилась из бутылки. Стеша едва успела подставить глиняную чашку в глазури цвета полярного сияния. Потом она долго-долго смотрела на поднимающиеся со дна бойкие пузырьки и вздыхала о чем-то своем.

– Миш, сколько мы еще протянем?

– Вот так... Сколько получится, не загадывай. Лучше подумай, что делать будем, если завтра, например, внезапно все и закончится.

– А что будем... Пойдем... Да вот хотя бы в магазин!

– Зачем? – удивился Мишка.

– Для разнообразия! – Стешина улыбка лучиками разбежалась от уголков глаз. Она совсем перестала замечать эти морщинки, а Мише в тусклом свете подвальных ламп было, в принципе, все равно. Он просто радовался, что еще останется повод пошутить и какая-никакая надежда.

Второй год подземной жизни без света и нормального воздуха давался тяжело... Хотя кого мы обманываем? Никогда в мегаполисах не было ни воздуха, ни солнца: чадили заводы и транспорт, чудило начальство и политики, а люди пропадали где-то в нейросетях, начисто забыв про реальность.

Нормальная жизнь давно уже стала роскошью или привилегией люмпенов, но заметили это только тогда, когда всех принудительно загнали в норы. Всех выживших...

Остался ли кто наверху – не известно. Как функционирует система подземки – тоже тайна, так как людей распределили на небольшие группы, изолировали друг от друга и лишили какой бы то ни было связи.

Стеша и Миша никогда и не пытались выяснить, что будет, если нарушить режим и выйти за пределы своего сектора, разыскать другие группы. Им было вполне достаточно сдавленных криков, время от времени доносившихся из-за двери. Более того, на всякий случай они прервали контакты и со своей группой, не вполне адекватной после отрыва от сети.

Библиотека, фонотека и фильмотека, домашний огород прямо на полу зала, социальная еженедельная доставка воды, круп и средств гигиены – Стеша и Миша жили скромно и просто еще до эпидемии, для них почти ничего не изменилось, они почти ничего не потеряли. Разве что минералки оказалась последняя бутылка...

Стеша не выдержала. Она даже не собиралась обдумывать детали своего побега, чтобы как-то подстраховаться, обезопасить себя. У нее есть респиратор, перчатки и спрей с антисептиком – этого достаточно, чтобы не быть узнанной и

обработать ссадину (мало ли что). На остальное плевать, даже на фонарик.

Мишка хороший, с ним всегда было уютно и в шалаше на Баренцевом море, и в бунгало в Гоа, и в подмосковном подвале... Но сколько можно? Что происходит снаружи и кто сказал, что вот совсем нельзя выйти, что так безопаснее? Для кого?

Когда они спешно покидали свою квартирку, у Миши все было уже подготовлено, собрано, упаковано. Все произошло слишком быстро, слишком страшно было, мир галдел сиренами, мегафонами, выкриками, гудками машин – она не успела понять, что случилось.

В тот день Стешу внезапно уволили и рассчитали на работе, а когда она вернулась домой – Миша тут же потащил ее на выход в толпу. Вещи он успел перенести до ее появления и ждал только ее саму. Связь исчезла сразу же за порогом подвала, все инструкции Миша рассказал ей по дороге по лабиринту коридоров, а паника в глазах окружающих их людей заставляла протискиваться в норку как можно быстрее.

И все.

Стеша после часто и подолгу расспрашивала Мишу о событиях того дня. Он стройно и логично рассказывал про вирус, про смерти, про воздушные операции с выбросом химикатов, про военных, про план временной изоляции ради остановки эпидемии.

У нее не было причин ему не верить, она даже находила

в коробках с едой бюллетени с обновленными инструкциями, благодарностью за соблюдение режима и предупреждениями о новой волне роста заболеваемости. Но отсутствие связи убивало – она второй год не могла узнать главное...

Миша тихо и ровно дышал, по уши укутавшись в одеяло, иногда всхлипывал, будто пугался чего-то, а затем с облегчением вздыхал и мило причмокивал губами. Стешу всегда это заставляло улыбнуться, а потом она хмурилась, потому что ловила себя на истинно материнских чувствах к этому мальчишке с первой сединой.

Стеша тихо встала с постели, всеми силами стараясь не чувствовать, как живот от страха ухнул куда-то в пропасть под ногами. Оделась, взяла любимую сумочку, достала из-под кадушки с грядкой томатов телефон и, стараясь не шуршать пакетом, в который он был завернут, вышла в коридор.

Свет в тоннеле горел только местами, но Стеша не стала включать фонарик на телефоне, чтобы сэкономить заряд и не нарваться на кого-нибудь. Чертов лабиринт запутал ее уже после третьего пролета, но оставался тихим и безжизненным. Кое-где шуршали крысы, и этот звук успокаивал, став почти родным за время подземной жизни.

После пары часов блужданий Стеша уже почти не соображала. Мертвые сырые коридоры, в которых не было ни души, не кончались, она уже бежала и не могла остановиться

в этом зловещем марафоне без финиша. Плакала, кричала, ругала себя и умоляла Мишу скорее проснуться и найти ее, вымокшую в грязных лужах.

Вдруг в очередном пролете лабиринта телефон пиликнул. Стеша от неожиданности поскользнулась, упала и ошарашенно сжала в руках аппарат, очумевший от шквала смсок. Секунд двадцать спустя раздался звонок:

– Алло! Алло! Кто это? Стеша, это ты?! Господи, Стеша, скажи, что это ты! Умоляю!

У нее не хватало сил сглотнуть слюну и выдавить хоть звук из пересохшего горла, она смогла только тихо прохрипеть:

– Вася, да, это я... Забери меня, пожалуйста, сейчас скину координаты, где-то рядом должен быть люк или дверь...

Мир снаружи был ослепительно свеж и оглушительно мелодичен. Ни запаха плесени и канализации, ни гулкового эхо коридоров... Осень еще звучала сверчками, но при этом уже и шуршала сухими листьями, а поднимавшаяся от речушки сырость будоражила забытыми ощущениями.

Ветер обдал Стешу колючим холодом, мокрая юбка налипла на кожу, и Василий поспешил снять с себя ветровку, чтобы укутать озирающуюся по сторонам женщину. Она не могла надышаться и наглядеться на этот мир под растущей луной, на редкие светящиеся окна в домах, на светофоры, на тусклый блеск асфальта. Немое недоумение Васи встречало

в ней только оторопь – пока они с Мишей сидели в затхлом городском подzemелье, жизнь шла своим чередом.

Вася не мешал. Ждал. Честно говоря, ему не верилось в происходящее. Он давно уже утопил свое горе по безвременно ушедшей подруге в сивухе, едва оправился от последствий запоя и только пару месяцев как вернулся к нормальной жизни.

Дома ему еще предстоит объясниться с девушкой, с какой стати он сорвался посреди ночи из квартиры, а пока надо было срочно решить, не галлюцинация ли перед ним и что теперь делать со Стешей. Внезапно промелькнувшую безумную мысль затолкать несчастную обратно в канализацию он отметил сразу же. Хотя и отметил, что такая вообще возникла.

И пока Вася застыл на сокрушениях о том, каким идиотом надо было быть, чтобы сразу после получения смски "Абонент снова в сети" ринуться звонить, Стеша в сдавленных бессильных рыданиях прижалась лбом к его груди.

Делать нечего – поехали на дачу. По-прежнему молча. Стеша по-прежнему впитывала в себя окружавшую ее реальность, стараясь ничего не упустить. Она не просто скучала – до оскомины тосковала по дорожной пыли, белой, словно старые кости, щебенке, по звездам и теням от деревьев, по перебежчицам-кошкам, мелькавшим блеклыми спинами у подъездов и заборов. Шумный и неуклюжий ежик в снт снова вызвал в ней бурю эмоций и слез.

– Спасибо, Вась. – Она смогла наконец что-то промол-

вить, когда он после недолгой борьбы с электрическим щитком включил свет в сенях.

– Да... ладно... – Он вздохнул, не зная, куда деть глаза. Проводил Стешу в ванную, достал какую-то одежду и поехал в магазин.

Оля умела ждать и терпеть, поэтому и не звонила, но хорошего в этом мало – взрыв и вынос мозга дома был обеспечен. А раз скандала все равно не миновать, имело смысл оттянуть неизбежное и провести остаток ночи на даче. На всякий случай к хлебу, сыру и овощам он захватил и коньяк.

Миша вне себя от ярости орал на кого-то в трубку телефона. Все рухнуло именно тогда, когда он было убедился, что Стеша оставила свое дурацкое стремление до всего докопаться, смирилась с их положением и стала робкой и послушной. С месяц назад он убрал охрану тоннеля и был абсолютно доволен образовавшейся стабильностью их супружества.

Теперь же гениальная идея, родившаяся на волне пандемии, с треском провалилась, а вернуть Стешу стало возможным только силой. Что ж, значит так... Впрочем, сначала следовало навеститься к ее так называемому коллеге по работе, если он еще не спился окончательно...

Рассвет обескураживал, хотя голова от коньяка и была тяжелой и заторможенной. Близость аэродрома придавала особенный шарм: низко пролетавшие самолеты ловили на себе насыщенные розово-оранжевые лучи и вспыхивали на несколько секунд в небе, чтобы затем рутинно уплыть восвояси.

Стеша тщетно пыталась уговорить себя выспаться: рой запоздалых озарений, наболевших сожалений и злобных разочарований гнал сон прочь. Некуда и не к кому было идти, некогда и нечего ждать. Миша наверняка уже на следующий день будет здесь, и от этого психа, кажется, лучше держаться подальше.

Найденная на обжитой даче женская одежда (надо же, вполне ее размера!) как бы намекала, что Вася, вообще-то, не одинок. И хотя его объятия были довольно убедительными, в резкости движений чувствовалось больше обиды и гнева, даже досады, чем любви и ласки. Не вписалась она в его планы, увы.

Еще пара глотков остывшего кислого кофе – и пора.

Интересно, знай она, что часом позже Миша превратит лицо заспанного и полупьяного Василия в фиолетовую опухоль, оставила бы его в одиночестве отплевывать собственные зубы?

Оля была девушкой целеустремленной и невозмутимой,

поэтому предложение "Надо найти **ку!" из распухших Ва-
синых губ встретила как ни в чем не бывало:

– Надо так надо, – пожала плечами. – Переоденься.

Идти по буреломам и промзонам было откровенно страшно (кто ж знает, на кого можно нарваться), поэтому Стеша рискнула брести по обочине первой попавшейся дороги. Осталось только надеяться, что искать ее будут сначала в городе, и она успеет добраться куда-нибудь подальше.

Какой-то конкретной цели не было, плана действий тоже, в кармане оставалось немного Васиной мелочи, а телефон женщина от злости и отчаяния разбила еще на даче. Можно было бы стащить и ключи от машины, а потом бросить ее где-нибудь, но Стеша не водила.

Спустя пару-тройку часов она еле волочила ноги под моросившим дождем, проклиная и внезапно скучковавшиеся над ней низкие тучи, и грязь под ногами, и канаву сбоку, за которой сразу начинался сумрачный ельник. Больше всего ей было невдомек, как можно было столько лет жить в привычном топком болотце лжи, дисциплины и стабильности, где все казалось таким правильным и понятным.

Стешу ведь не смущало ни отсутствие друзей (просто такова жизнь, все перекочевали в виртуальную реальность), ни аскетизм их быта (Миша ведь высокодуховный бунтарь, интеллигент, он знал, как лучше). Казалось, всего и так доста-

точно, чего ж еще желать?

И хотя налет романтичности из их отношений исчез после первой же близости на грани насилия, всегда внимательный, заботливый и крайне мягкий супруг усыплял в ней тревогу и бдительность каждым своим поступком. Умело воспитывая в Стеше чувство благодарности, густо замешанной на вине за свой эгоизм, он добивался послушания и тихого служения.

В Мише было идеально практически все: его ценности и взгляды на жизнь, ум, манера говорить, голос, умение прикасаться. Он прекрасно готовил и просто, но со вкусом одевался, он отлично разбирался в людях и разрешал даже самые безнадежные и тупиковые конфликты. При этом оставался чертовски скромным и добродушным, даже милым, особенно когда любил подурачиться.

Как тут было при таком богатстве осознать, чего же ей не хватало? Стеша корила себя за то, что бестолково бесилась с жиру и никак не могла забеременеть, чтобы перестать страдать ерундой. Редкие вылазки на природу и путешествия давали, конечно, необходимый глоток воздуха, но и тогда все было правильно, под контролем и мало, слишком мало...

Разумеется, с выходом на работу у Стеши напрочь сорвало тормоза. Ее плоский и замкнутый мир преобразился в очень разную реальность, на нее хлынул поток новых людей и впечатлений, забот и ответственности, в ней нечаянно разгорелось любопытство ко всему, что происходило вне стен их уютной квартирки. А потом появился и Вася – такой жи-

вой и чувствительный в противовес Мише, откликавшийся всеми фибрами души на ее глупости...

Что ж, так не могло продолжаться долго, а муж нашел прекрасный способ обойтись без скандала.

Перед Стешей притормозила машина, сдала немного назад:

– Ты как? Унюхалась что ли?

– Что? – Стеша пыталась разглядеть девушку за рулем и сообразить, нырять ли ей в кусты или все-таки попросить подвезти до ближайшего населенного пункта.

– Смелая чересчур, говорю! Ты что тут делаешь? В бараки охота?

– В какие бараки?.. Н-н-нет...

– Лааадно... – девушка настороженно помедлила, а потом открыла дверцу пассажирского сиденья. – Садись, рассказывай.

Стеша с огромным облегчением плюхнулась в мягкое кресло с подогревом, и ей стало, в принципе, все равно, что произойдет потом.

– Как тебя зовут? – спросила девушка, доставая с заднего сиденья термос.

– Нина, – и бровью не поведя, соврала Стеша, принимая из рук своей спасительницы горячий чай. Та скорчила понимающую гримаску и ответила:

– А я Оля. Так из какой дыры ты вылезла, Нин, что бродишь средь бела дня по трассе? Для туристов и паломников у нас другие дороги, вообще-то. Паспорт маршрутный с собой?

– Да я... Не местная, Оль, заблудилась. Мне трудно сейчас все объяснить, но если ты подкинешь меня до ближайшего города, буду дико благодарна.

– Хм.. Ближайший-то как раз в том направлении... – Оля показала большим пальцем в сторону, откуда совершался побег.

– Нет! – испуганно перебила ее Стеша.

– Ладно, пристегнись, поспи пока, ехать прилично.

Оля, ничего больше не спрашивая, включила тихую ритмичную музыку, и Стеша наконец провалилась в глубокую дрему, перемежавшуюся иногда с бредом и ознобом.

– Вылезай, – бросила Ольга, когда убедилась, что женщина на пассажирском сиденье проснулась.

Господи, и что они все в ней нашли? Серая, невзрачная морская свинка с одутловатым лицом и безнадежно доверчивыми, как у теленка, глазами. Из-за чего тут так рвать и метать?

– Приехали? – сонно промямлила Стеша, растерянно разглядывая придорожное кафе.

– Пошли, перекусим, – скомандовала Ольга, направляясь к столику с шумной мужской компанией.

– Постой, ты чего? – Стеша испуганно схватила ее за руку.

– А у тебя, небось, деньги есть, угощаешь? – ухмыльнулась Оля. Стеша виновато потупилась и покорно пошла чуть позади приосанившейся попутчицы.

Оля задорно присела к бродягам дальнего следования и завела душевный разговор. Спустя час они были и сыты, и щедро награждены непритязательным мужским вниманием. Спустя еще час атмосфера начала накаляться, и девушки попытались выйти из-за стола так же непринужденно, как и сели за него... Не тут-то было.

Когда дело дошло до рукоприкладства, Стеша была уже вне себя от страха. Позже в машине она не смогла выдать ни единой внятной фразы на все расспросы прифигевшей Оли о том, что же она такого сделала со здоровенными парнями, что они в ужасе отползали от нее на карачках, даже не постанывая, а поскуливая.

– Ты не понимаешь, я их даже не трогала! Я просто испугалась!

– Да на тебе ни царапины! – Обиженно воскликнула Ольга, облизывая еще кровившую трещину на губе. – Чего ты панику сразу наводишь начала? Смылись бы, впервой что ли!

– Ага... А ты что, часто так делаешь?

– Голод не тетка, – буркнула Оля и надолго замолчала, всматриваясь в ночь.

Стеша тоже следила за дорогой, напряженно пытаясь понять, что же произошло. Ее успели только грубо схватить за локоть, и этого оказалось достаточно. Дальше все, как в ту-

мане: она всего лишь беспомощно выставляла вперед руки, умоляющим жестом отгораживаясь от опасности, а мужики падали, сгибаясь пополам, и скулили... И потом Оля за шиворот потащила ее к выходу.

Стеша подняла к лицу ладони, пытаясь увидеть на них хоть что-нибудь необычное.

– Ээй, поаккуратнее, – повела плечами Оля, опасливо скосившись на попутчицу, а затем тихонько рассмеялась. – Да, с тобой весело, подруга!

Переночевать остановились недалеко от заправки. Сон к Стеше снова не шел, и она тупо рассматривала то потолок машины, то пейзаж за окном, то красивое лицо своей попутчицы. На рассвете осторожно прикоснулась к ранке на ее губе, с сожалением больно закусилла свои губы и наконец задремала...

На следующий день Оля ошалело разглядывала себя в зеркало заднего вида. Как-то сразу расхотелось сокращать путь, поэтому Оля решила заехать к подруге, чтобы одолжить денег и отдохнуть денек-другой. Стеша мирно посапывала на соседнем кресле автомобиля.

Первый снег – существо эфемерное и очень ранимое. Вот ты прикасаешься к пушистым хлопьям с искренней лаской и благоговением – а они берут и немедленно тают (хорошо, если без агонии). Вот ты мягко ступаешь на покрывшийся

легким пушком асфальт – и едва слышный скрип тут же сообщает о безвременной кончине тысяч кристалликов, а позади только черные мокрые следы...

Бессмысленное, поскольку не задерживается дольше пары суток (а то и часов) на земле, и нежное явление природы в любом случае не должно было встретить девушек на въезде в тихий провинциальный городок. Рано еще, когда и листья далеко не везде расцвелились буйными красками.

Но случилось как случилось: трепетные снежинки очень скоро превратились в пургу, а после в град, мелкой дробью молотивший в лобовое стекло. Стеша смотрела перед собой отрешенно и будто растворялась в порывах ветра, метавшегося перед машиной.

Оля хотела было заговорить, уже почти совсем решилась задать вопросы в лоб, но внезапно холодная крошка отпрянула от капота, расчищая путь. Секунда – и сплошная пелена, как стена в дешевых рельефных обоях, снова быстро направилась на них, а в салоне будто бы стало зябко. Не успела Оля опомниться, как все вернулось на круги своя, да и сам снегопад почти сошел на нет, обнажая хмурое небо и мокрые кусты, стройно тянувшиеся по обочинам.

– Ты это видела?

– Что? – Стеша с усталым видом оторвалась от лобового стекла и повернулась к ней.

– Как что?! Солнце, ты странная! Как будто каждый год в сентябре такую пургу видишь!

– Какую пургу? – Стеша непонимающе уставилась на попутчицу. Все, что она видела – обычный дождливый сумрак, сдобренный городской серостью под низкими облаками.

Оля решила не продолжать, опасаясь за психику этой маленькой и явно ненормальной женщины. Ей уже хотелось высадить «Нину» на ближайшей остановке и начать жизнь заново в какой-нибудь богом забытой дыре, отправив в лес и Мишу с его навязчивыми истериками, и Васю с его инфантильной беспомощностью, и эту убогую отшельницу с ее причудами... Но Миша и из-под земли достанет, если ему приспичит (а припекло, кажется, сильно), Вася был хорошим вариантом пустить корни без лишних усилий и нервов, а эта дамочка вызывала все большее любопытство и зависть.

До подруги доехали без приключений. Остановиться хотя бы на ночлег не удалось (семья, дети и вот это вот все), но денег одолжили – и на том спасибо. Немного покатавшись по стерильным и безмолвным улочкам, девушки нашли небольшую комнату в общежитии и внесли залог за месяц.

Стеша, казалось, только и могла, что плыть по течению, полностью вверяясь Оле. Она чувствовала себя как никогда оторванной от реальности, окуклившейся в плотный кокон, через который с трудом проникали в ее сознание события из материального мира. Если это сумасшествие, то почему так тихо и спокойно на душе? Она, казалось, не способна была ни рассуждать, ни планировать свои дальнейшие действия. Все ее существо сконцентрировалось в ожидании чего-то.

Инициация – хорошее слово для исхода тягучего безвременья и безразличия ко всему вокруг. Жаль, нельзя было узнать заранее, что и когда произойдет и произойдет ли вообще, чтобы нарушить этот странный вакуум.

Оля не мешала. Впервые в жизни у нее было время и не было дел. Она много и напряженно размышляла об абсурдности происходившего. Ее швыряло от жгучей злости до всепоглощающей жалости к подопечной, от ненависти до глубокого сочувствия к мужчинам, которые так неосторожно потеряли и так рьяно преследовали несчастную. Она чеканила быстрые шаги по городским тротуарам, будто надеялась в этом строгом ритме обрести смысл и ясность. А главное – зачем было именно ей влезать в глупые игры, по всей видимости, глубоко травмированных людей.

Оля, сколько себя помнила, всегда рационально и ловко двигалась по жизни, продираясь к вожделенному благополучию с самых низов. Увертливость, цинизм, ловкость, трудолюбие – ее инструменты, чтобы жить. Каждый ее вздох просчитан и сделан на пользу, каждый ее выдох имеет свой КПД. И вот искусство планировать каждый шаг своего светлого будущего внезапно поперхнулось такой нелепостью, как эта женщина.

Оля долго пыталась разобраться, не подводил ли рассудок и ее, когда в голове крутились назойливые мысли о побеге из кафе, о внезапном снегопаде, о зажившей за ночь ранке на губе. Но нет же! Нельзя получить в челюсть и не заметить

этого!

Видимо, «это жжжж неспроста»... И моментально перед прагматичной Олей замаячила новая перспектива крепкой и очень выгодной дружбы. В конце концов, девочки должны быть солидарны и держаться вместе.

Разумеется, он ожидал большего от своего героизма при столкновении с этим неуравновешенным боксером. Когда у них со Стешей только закрутился служебный роман, Вася предполагал, что ее муж – хилый олух, зацикленный на теориях заговора, правильный до оскомины, скрупулезно читавший составы продуктов в магазинах, соорудивший компостеры в палисаде и избегавший лишний раз облучиться от вайфая.

Собственно, он и не перестал считать его олухом, хотя хилым назвать уже не мог. Тот факт, что Михаилу подчинялись мордовороты, каких он видел только в допотопных боевиках, не придавал ему, по мнению Васи, ни ума, ни статуса.

Зато себя он считал обделенным и обиженным крайне несправедливо. Его таланты и великодушные пропадали в пучине серых будней, и он давно бы уже завоевал миллионы сердец своей харизмой и искрометным умом, если бы не череда досадных обстоятельств и беспросветное быдло вокруг.

Больше никому не нужно было искусство, если оно не штамповало рекламу и пропаганду. Больше никому не от-

кликались такие понятия, как альтруизм или взаимовыручка, больше никто не верил ни в добро, ни в любовь. Когда повальное увлечение альтернативной историей обернулось расцветом сект на любой вкус и веру, пропала последняя надежда реабилитировать хотя бы базовые культурные и моральные ценности, жившие веками до сего дня.

Как-то надо было усмирить этот хаос – так и родились бесчисленные Регламенты. Жесткая парадигма буквы Закона оголяла и обезличивала и без того тоскливый мир, контролируя каждый чих человека, бюрократы ликовали...

Нет, Вася признавал, что в своем чудаковатом образе жизни Михаил тоже местами плыл против течения, но как-то мелко, неубедительно. Или даже не против, а вполне себе на гребне, как показали последние события, подминая под себя все и всех, руководствуясь силой и властью... Эти мысли пробудили в Василии и отвращение, и острую зависть.

Как бы там ни было, а билет в безбедную и мало-мальски свободную жизнь где-нибудь у подножия Памира можно было получить именно у Михаила. Более того, Васе даже не пришлось ничего делать – его умница Оля все предусмотрела и провернула сама.

При этом его несколько не смущало, что он отдал девушку в пользование и некоторое услужение не вполне адекватному типу, от которого еле вырвалась Стеша. В конце концов, игра стоила свеч, все здесь взрослые и разумные люди, а Оля не меньше него вдохновилась перспективой смены обстановки.

Первый страх зашевелился в Васе, когда Оля не вышла на связь на третьи сутки после отъезда. Но Михаил невозмутимо велел ему не тревожить девочек – сами разберутся. Маячок на месте, все по плану.

Разумеется, Мише выгоднее было разговаривать с уже успокоившейся, отдохнувшей (или, напротив, настрадавшейся) женой. Беглянке еще можно было скормить какую-нибудь невероятную легенду, особенно, если Оля постарается.

Вскоре он тоже покинул город, оставив растерянного и разочарованного Васю с авансом на счете – тот немедленно запил.

Девочки без цели и смысла прозябали в своем временном пристанище. Стеша часто бредила, свалившись от гриппа, а Олю уже тошнило от той мерзости, в которую она ввязалась.

Да, раньше ее не смущали мелкие сделки с совестью и бартер, в котором она обменивала ласку и красоту на деньги и комфорт. Ей нравилось думать, что она вертела мужиками, как хотела, жертвуя такой малостью. К тому же, в этот раз она подвязалась за дело правое – удержать семью от распада, а свою синичку в цепких коготках. Да и синичка вот-вот должна была обернуться журавликом. Что не так?

А не так было все: Олю распирало от душевной боли, от отчаянной агонии, перетекающей в ярость и тоску, от непонятного бессилия и тревоги. У нее всегда была цель – теперь же осталась только усталость. И чем дольше девушка находилась рядом со Стешей, тем сильнее чувствовала неестественность своих принципов и ориентиров, фальшивость своего существования.

И ведь не происходило ровным счетом ничего знаменательного, как бывало в кино, когда главный герой пересматривал всю свою жизнь в яркой поворотной точке. Не было красивого сюжета, эпичной музыки за кадром или хотя бы чего-нибудь мало-мальски замечательного. Просто время от времени плавно накатывали слезы.

– Знаешь, когда звезды еще не согревали землю, а у Луны не было темной границы, могучие туры терзали своими рогами облака, чтобы оросить их молоком луга. Золотой свет Спутницы питал все живое, а пустыни цвели, как нам и не снилось. Песок вообще был главным богатством, аккумулируя тепло и отдавая его, когда Спутница отлетала к другим планетам нашей системы. Мы – большая экспериментальная колба, в которой все пошло наперекосяк, а мечтатель заключил сам себя...

Это не было похоже на обычный обрывочный бред, и Оля почти не дышала, вслушиваясь в странную сказку, а Стеша

продолжала:

– Вообще, если бежать от себя, то нет места надежнее личного рая, сотканного из фантазий. Он чего только не попробовал здесь, он растворился во всех и вся, наполнив жизнью даже простейших. Поначалу красивая и стройная модель мира работала безотказно, не учел он одну только маленькую деталь – эволюцию. Слона – и не заметил... – она тихонько засмеялась.

– Ты не думай, они такие же люди, как мы, слабые и безрассудные. Прогресс всегда вел к деградации, но он не смирился. Сколько раз он поворачивал историю вспять? Ему-то что? То палец обожжет, то нос отморозит... Так он думал, пока не стал умирать сотни тысяч раз. Умирает здесь – рождается там. А сколько раз, опомнившись, он пытался выбраться из этой колбы? Ууууу... Сумасшествие – та еще ловушка, а мысли материальны...

Оля молчала, ей почему-то не было ни странно, ни страшно.

– Оля, знаешь, мы все заключены в себе. – Стеша очень ясным взглядом обратилась к подруге. – Ты как ни старайся бежать от себя – не скроешься. Догонит, трансформируется и еще раз догонит. Забвение – сказки, конца не будет.

– Чушь. Вот тебя сейчас менингит свалит – и кончишься.

Стеша покачала головой и легко улыбнулась:

– И снова буду здесь. Автосохранение, знаешь ли.

– Это как? – Оля много слышала теорий о жизни и смерти,

но «автосохранение» – это что-то новенькое.

– Мы уходим, когда сами решаем, что пора. Это его отчаянные попытки выбраться. Наше счастье, что ему еще интересно обновляться. Пока он любопытен – мы здесь. Кончится любопытство – и он вернется к сознательной жизни, а у этого акта уже непредсказуемые последствия.

– Стеша, кто он? – осторожно спросила Оля, и сама не заметила, как выдала себя. Стеша еще раз улыбнулась, теперь с гораздо большей теплотой и сочувствием.

– На самом деле, все банально, он просто человек. Мы всего лишь люди, только он мог больше, а когда растворился, все больше и больше частей эксперимента становились неподконтрольными. Еще мне кажется, ему не очень повезло с родителями, иначе зачем мы повсеместно так настойчиво мусолим тему рода и родительской ответственности. Мечты всегда рождаются из боли.

За окном под мелкими каплями заиграл перкуSSIONный оркестр, и по стеклу потекли пресные слезы, искажая поблекший мир. Обе девушки притихли, прислушиваясь к шуршанию дождя. Это только тревожным людям хочется немедленно прервать неудобное проявление чувств другого, понимающие и принимающие готовы просто быть рядом, заполняя своим присутствием тоскливую брешь в сердце...

Следующий день выдался на удивление ясным и свежим,

как улыбка ребенка. Искорки пыли плавали в золотых дорожках, пронзивших комнату, и это пробуждало какие-то смутные и далекие воспоминания из совсем другой жизни, в которой деревья были большими.

Стеша хлопотала все утро на кухне, а Оля, лениво потягиваясь в постели, недоумевала, откуда и с чего бы таким вкусным запахам прерывать ее сон в бывшей еще вчера такой уютной реальности. Целую вечность назад она просыпалась вот так – поздно, мечтательно и нежась в тепле. Казалось, будто еще секунда – и в проеме двери покажется обязанная фенечками мамина рука с чашкой какао и бутербродами с маслом и вареной колбасой на расписном фарфоровом блюде.

Бутерброды, омлет, салат и кофе действительно материализовались, а Стеша выглядела удивительно знакомо, лучась заботой, озорством и лаской.

– Доброе утро, соня! – улыбнулась она, ловко растасовав тарелки и кружки на столе.

– Доброе... Надо же, оно таким бывает! – откликнулась Оля, с энтузиазмом приступив к завтраку. Она ни за что на свете не собиралась задавать никаких вопросов сегодня – в конце концов, в детстве тоже все происходило просто так, как по-волшебству, почему бы и сейчас не насладиться этим ощущением.

Стеша тихо отхлебывала горячий кофе и с умилением наблюдала за девушкой. Выбрав удобный момент, почти про-

шептала:

– Сегодня едем.

– Куда? – с набитым ртом спросила Оля.

– Ну как? Сама знаешь, нас ждут.

Оля поперхнулась и виновато потупилась в пол, а затем с жаром затараторила:

– Стеша, брось! Ну их! Ну прости, я же не знала, что у вас там, тебя не знала! Мы сейчас рванем куда-нибудь подальше, обустроимся нормально, ну разве плохо будет? Я тебе помогу! Или давай еще тут перекантуемся, никто нас не тронет!

– Оль, сама знаешь, пора.

А ведь действительно пора, Оля это знала: бессмысленная тупиковая ситуация неприлично затянулась и должна была как-то разрешиться. Стеша взрослый человек и, видимо, сделала свой выбор. Да и судя по тому, что Оля недавно наблюдала, не пропадет, никто ее не обидит.

Да и Михаил не дурак все-таки. Наверное...

Собирались молча, быстро, неловко спотыкаясь друг о друга. Условленное место было не так далеко, но Оля собрала все регулируемые перекрестки и объездные дороги, чтобы оттянуть неизбежное. Что-то было неправильно, и ей непременно хотелось выяснить, что именно. Обязательно до того, как они приедут.

Миша ждал. Осунувшийся, с мешками под глазами, с ис-

терзанной и незажженной сигаретой в руке. Он почти подпрыгнул, нервно одергивая куртку, когда девочки припарковались рядом.

В пролеске не было ни души, но птицы шумно и деловито щебетали, стараясь успеть все самое важное за ставший очень коротким световой день. Обе девушки выглядели отдохнувшими, Стеша тепло улыбалась, а Оля была неожиданно робкой и растерянной, шла чуть позади, попеременно делая странные нелепые движения, будто стараясь выбежать вперед и отгородить от него жену.

Миша вымотался за эти дни: он не находил себе места и тысячу раз перекроил свои планы, то порываясь уехать, то внезапно нагряться по адресу, переданному маячком. Ему будто прищемили хвост или вогнали занозу в труднодоступное место – все эти дни его грызло непонятное тревожное чувство, смешанное с раздражением и тоской.

Разумеется, он знал про свою одержимость Стешей – стройный порядок его жизни зиждился на ее присутствии рядом. Кому понравится столкнуться лицом к лицу со своей уязвимостью и слабостью? Жена заставила его это сделать, поэтому он успел возненавидеть ее, отчаянно стремясь вернуться в привычное русло, в размеренный ритм сонного существования.

В последние дни что-то оборвалось. Оголенные нервы устали от напряжения, и в один прекрасный момент он просто разжал кулаки, обнаружив, что расслабился и не рассу-

пался от этого. Жизнь продолжалась вне зависимости от его умения или неспособности контролировать людей и события, а значит достаточно было даже просто дышать, чтобы двигаться дальше.

Тем не менее, встреча не могла не состояться, никому уже особо и не нужная. Трое сошлись в одной точке, как разрозненные мысли складываются в единый образ в голове. И нечего было сказать, в общем-то. Но Стеша попросила у Оли ключи от машины.

У Миши засосало под ложечкой, однако он смолчал под ласковым и грустным Стешиным взглядом, кивнул растерянной Оле, и та сначала протянула ключи, а потом порывисто и крепко обняла женщину. Прошептала:

– Автосохранение?

– Не в этот раз, – тихо ответила Стеша...

Будильник заиграл гитарными струнами любимую мелодию. В соседней комнате зашуршали одеяла, и топот босых пяток неизбежно становился громче и ближе. Сначала на ноги, а потом и на спину навалились остренькие локти и колени, мужчина рядом застонал: «Еще десять минууут!», а детские голоса наперебой затараторили: «Доброе утро, мама!» Новый день настойчиво требовал внимания и участия, не оставив ни единого шанса на смутные воспоминания об ускользающем сне о прошлой жизни...